УДК 821.161.1

Михаленко Наталья Владимировна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российская академия наук
Россия, г. Москва
e-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Mikhalenko Natalia Vladimirovna
Senior Researcher, Ph.D. in Philology
A.M. Gorky Institute of World Literature
Russian Academy of Sciences
Russia, Moscow
e-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Н.В. Михаленко

ОСОБЕННОСТИ ПОГРАНИЧЬЯ В «УСАДЕБНОМ ТЕКСТЕ» И.А. БУНИНА[1]

Аннотация. «Усадебный текст» И.А. Бунина часто рассматривался различными историками литературы (А.Г. Разумовской, Т.А. Лебедевой, Н.В. Зайцевой и др.), но изучение своеобразного временного и пространственного пограничья усадьбы в раннем и эмигрантском творчестве писателя является новым и перспективным направлением исследования. При анализе стихов, прозаических текстов Бунина (романа «Жизнь Арсеньева», рассказов «Косцы», «Несрочная весна» и др.) делается акцент на символической связи поколений. Исследуется взаимодействие линейного времени человеческой жизни и циклического времени истории рода: они могут быть связаны (стихотворение «Дедушка в молодости») или разомкнуты (стихи «...И снилося мне, что осенней порой...», «Запустение»). Такая темпоральная сложность, наполненность усадебного топоса делает его источником вдохновения писателя, «литературным» пространством.

Ключевые слова: И.А. Бунин, усадебный текст, литература Русского зарубежья; рассказы «Несрочная весна», «Антоновские яблоки», «Косцы»

N.V. Mikhalenko

ESTATE HOUSE AS FRONTIER TERRITORY IN THE “ESTATE TEXT“ OF IVAN BUNIN

Abstract. Literary historians often studied Ivan Bunin's "estate text" (Aida Razumovskaya, Tatiana Lebedeva, Nadezda Zaitseva, etc.), but nevertheless the further studies into the specific features of how the temporal and spatial border of the estate are depicted in Bunin's early and emigre works are a new and promising area of research. Analysis of his poems and prose (e.g. the novel "Life of Arseniev", or the stories "Mowers", "Eternal Spring", etc.), emphasizes the symbolic link between generations. The interaction between the linear time of human life and the cyclical one of the clan's history was explored: they could be eiher related (the poem "Grandfather in his youth") or isolated from each other (e.g. poems "...And I dreamt in the time of the autumn", or "Desolation"). Such temporal complexity, fullness of the manor topos makes it a source of writer's inspiration, a “literary“ space.

Keywords: Ivan Bunin, estate text, literature of the Russian diaspora; stories "Eternal Spring", "The Scent of Apples", "Mowers"

Философ и литературный критик И.А. Ильин отмечал особое значение помещичьей усадьбы для русской литературы и культуры: «*Тут все соединилось: и этот крепкий, строгий климат с его большими колебаниями и бурными порывами; и ласковый, мечтательно-просторный ландшафт; и столетний отбор крови и*

[1] Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129) «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

культуры; и непосредственная близость к простонародной крестьянской стихии, к дыханию земли; и досуг помещичье усадьбы с ее культом родовой, наследственной традиции служения» [9, с. 29]. Творчество И.А. Бунина он справедливо называл «*последним даром русской дворянской помещичьей усадьбы*» [9, с. 29].

По замечанию О.Н. Михайлова, «на особенностях Бунина как художника в значительной степени сказалась его социальная родословная, воспоминания о былом величии «столбового рода» [11, с. 75]. В романе «Жизнь Арсеньева», во многом автобиографическом, писатель замечал: «*Ни лицейских садов, ни царскосельских озер и лебедей, ничего этого мне, потомку "промотавшихся отцов", в удел уже не досталось. <…> Но как пленительно, как родственно звучали для меня тогда пушкинские строки о них!*» [4, с. 81]. Бунин чувствовал дух дворянской культуры, своеобразие уклада целого социального пласта, безвозвратно ушедшего.

По отдельным записям самого писателя[2] и по свидетельствам его жены В.Н. Муромцевой-Буниной, в деревенской усадьбе Бунин особенно интенсивно работал. В одном из интервью (1911 г.) он отмечал: «*Прекрасная старинная усадьба, <…> как нельзя лучше располагающая к творческой работе…*» [6, с. 463]. Много путешествуя и переезжая с места на место, в своих воспоминаниях он часто возвращался в родные места, в родной дом. Это нашло отражение в дневниках и художественных произведениях писателя.

Образ дворянской усадьбы в стихах и прозе Бунина многогранен, полифоничен. Усадьба может представать в его текстах идиллическим местом, пространством счастья в призме воспоминаний о прошедшем времени, а также местом утрат и скорби, страданий.

Иногда жизнь в поместье предстает в несколько идиллическом, лубочном свете, становится образом утраченной России. Так, в «Окаянных днях» Бунин пишет: «*Да, уж чересчур привольно, с деревенской вольготностью, жили мы все (в том числе и мужики), жили как бы в богатейшей усадьбе, где даже и тот, кто был обделен, у кого были лапти разбиты, лежал, задеря эти лапти, с полной беспечностью, благо потребности были дикарски ограничены*» [5, с. 312] (*курсив мой* – Н.М.). Здесь возникает образ некой утопической земли, метафорический образ рая.

Как писала Т.А. Лебедева, в эмигрантском творчестве многих писателей «*предстает идеальный образ Руси: у И. Шмелева и Б. Зайцева – это Русь Православная, с ее годовым сакрально-бытовым циклом; у А. Ремизова – это Русь архаическая, мифологическая; у И. Бунина – это Русь усадебная*» [10, с. 9]. В.Г. Щукин называл произведения Бунина «*одним из последних блестящих аккордов угасавшего усадебного текста*» [12, с. 332].

Бунин часто упоминал, что именно в поместье он особенно остро чувствовал силу рода, думал о людях, прежде здесь живших. Например, 27 июля 1917 года он сделал такую дневниковую запись: «*Деревенскому дому, в котором я опять провожу лето, полтора века. И мне всегда приятно вспоминать и чувствовать его старину. Старинный, простой быт, с которым я связан, умиротворяет меня, дает отдых среди моих постоянных скитаний. А потом я часто думаю о всех тех людях, что были здесь когда-то, – рождались, росли, любили, женились, старились и умирали, словом, жили, радовались и печалились, а затем навсегда исчезали, чтобы стать для нас только мечтою, какими-то как будто особыми людьми старины, прошлого. Они, –*

[2] См., например, «Автобиографическую заметку» Бунина [1, с. 9-19], а также «Из предисловия к французскому изданию «Господина из Сан-Франциско» [1, с. 20-22].

совсем неизвестные мне, – только смутные образы, только мое воображение, но всегда со мною, близки и дороги, всегда волнуют меня очарованием прошлого» [6, с. 190].

В раннем и эмигрантском творчестве Бунина дворянская усадьба предстает как бы на расстоянии, всегда сквозь призму воспоминаний, легенд, памяти о прежней жизни. Образ усадьбы связан с временным и пространственным пограничьем – былой и настоящей жизни (в ранних текстах), давно минувшими событиями (в эмигрантских). С одной стороны, благодаря этому достигается некая концентрация подробностей, деталей, описывающих жизнь в усадьбе, работает перекличка «было» – «стало». А с другой стороны, становятся нечеткими границы пространства, линейное время чередуется с циклическим.

Усадебный дом в стихах и прозе Бунина часто представляется лишенным четких границ – он как бы становится частью природного мира, продолжается им. Например, в романе «Жизнь Арсеньева» усадьба предстает как элемент пейзажа, вписанный в природу: «*В самом деле, вот хотя бы то, что рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них… Зимой безграничное снежное море, летом – море хлебов, трав и цветов… И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание… <…> Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему…*» [4, с. 9]. Такой гармоничный мир позволяет герою задумываться о вечных вопросах, чувствовать себя частью природы, сохранить с ней связь.

В рассказе «У истока дней» герой осознает себя не просто в усадебном доме, расположенном в каком-то уезде, но он ощущает себя именно в России. Характерно, что благодаря описанию окон, создается ощущение, что у дома нет границ или они максимально нивелированы. Природа становится своеобразным продолжением внутренних покоев: «*В тумане моего прошлого есть один далекий день, который я вспоминаю особенно часто. Я вижу большую комнату в бревенчатом флигеле на хуторе средней России. Одно окно этой комнаты – на юг, на солнце, два других – на запад, в вишневый сад*» [2, с. 237]. Интерьер и экстерьер предстают здесь как бы взаимосвязанными.

В стихах Бунина граница между усадебным домом и садом еще более пластична, внутреннее и внешнее неразрывно связаны: «*Но ты помнишь, как ты отворила / Дверь на лунный свет?*» [2, с. 92] («Тихой ночью поздний месяц вышел…»). Природные образы точно умиротворяют лирического героя, заставляют задуматься о вневременном: «*И ты играла в темной зале / С открытой дверью на балкон, / И пела грусть твоей рояли / Про невозвратный небосклон, / Что был над садом – бледный, ровный, / Ночной, июньский, – тот, где след / Души счастливой и любовной, / Души моих далеких лет*» [2, с. 51] («В столетнем мраке черной ели…»). Среди суеты и бега времени герой способен «остановить мгновение», проникнуться красотой солнечных бликов: «*И снова думы: “Оглянуться / Не успеваешь — года нет...“ / А в окна, сквозь гардины, льются / Столбы лучей, горячий свет, // И дым, ленивою куделью / Сливаясь с светлой полосой, / Синеет, тает... как за елью / В далекой просеке, весной*» («На Плющихе») [1, с. 211].

В рассказе «Под серпом и молотом» лунный свет будто оживляет покинутый дом: «*Ушел я из усадьбы только вечером, когда месяц уже стал класть в парке легкие апрельские тени под деревьями и серебрить поляны. Уходя, думал: ночью парк побелеет под месяцем, мертвый дом засветится насквозь, всеми своими пустыми,*

блестящими покоями...» [7, с. 147]. Лунный свет точно дает новую, призрачную жизнь опустевшему дому.

Очень часто образ усадьбы у Бунина довольно зыбок, как бы размыт. Она становится местом пограничья, где соединяется прошлое и настоящее, где конкретный момент жизни рассматривается сквозь призму былых событий. Образ усадьбы, даже в ранних текстах Бунина овеян грустью, чувством утраты. Усадьба предстает неким потерянным раем, константным пространством, куда герой может вернуться в своих мыслях.

Так, в рассказе «Косцы» предстает образ гармоничной работы людей на природе. Пространство усадьбы, где совершаются действия, становится частью воспоминания, мифологизируется, создается впечатление, что оно нереально: «*Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу, поблизости от нее и пели. Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки. Они косили и пели, и весь березовый лес, еще не утративший густоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликался им...*» [3, с. 192]. Создается образ родства людей, объединенных памятью об исчезнувшей стране: «И еще в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была – Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу» [3, с. 194]. Усадебный, деревенский мир предстает овеянным легендами, связанным с фольклорными образами, кажется своеобразным Китеж-градом, становится символом России: «*Ибо всему свой срок, – миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рыскучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобраные скатерти, поруганы молитвы и заклятия, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи – и настал конец, предел божьему прощению*» [3, с. 196].

Временная характеристика усадьбы у Бунина часто сложная, строится на сопряжении разных временных пластов, актуализации прошлого. Усадьбу может и должно характеризовать не только линейное, но и циклическое время. Обращение потомков к памяти предков, присвоение ими опыта предыдущих жизней – закономерный путь развития. Но эта связь прервается, сохранить ее можно лишь в пространстве сна, воспоминания: «*И снилося мне, что всю ночь я ходил / По саду, где ветер кружился и выл, / Искал я отцом посаженную ель, / Тех комнат искал, где сбиралась семья, / Где мама качала мою колыбель / И с нежною грустью ласкала меня…*» [1, с. 42]; «*Вот этот дом, сто лет тому назад, / Был полон предками моими, / И было утро, солнце, зелень, сад, / Роса, цветы, а он глядел живыми / Сплошь темными глазами в зеркала / Богатой спальни деревенской / На свой камзол, на красоту чела…*» («Дедушка в молодости») [2, с. 83]. Как писала Лебедева, «*герою Бунина свойственно находиться в сложном, “пограничном“ состоянии между современной ему, новой реальностью и прошлым его семьи, существующим в отдельных атрибутах “дворянского гнезда“, овеянных ореолом разнообразных легенд, преданий, тайн, заново воспроизводимых старожилами помещичьего рода для детей, внуков, правнуков*» [10, с. 59].

Трагедией для лирического героя Бунина становится прерывание жизненного цикла усадьбы, замена циклического времени линейным. Это воспринимается как разрушение всех связей, утрата не столько «родного гнезда», сколько памяти, которое оно несет: «*Томит меня немая тишина. / Томит гнезда родного запустенье. / Я вырос здесь. Но смотрит из окна / Заглохший сад. Над домом реет тленье, / И скупо в нем мерцает огонек. / Уж свечи нагорели и темнеют, / И комнаты в молчанье цепенеют, /*

А ночь долга, и новый день далек. / Часы стучат, и старый дом беззвучно / Мне говорит: "Да, без хозяев скучно!"» [1, с. 121].

В рассказе «Несрочная весна» герой сопоставляет свою настоящую жизнь с жизнью минувшей, утраченной. И витальнее оказывается прошлое, куда герой точно уходит, отрешась от забот современности. Получается, что становится неактуальным понятие времени: «*Состояние же мое заключается в том, что я непрестанно чувствую, как тлеет, рвется самая последняя связь между мною и окружающим меня миром, как все больше и больше отрешаюсь я от него и ухожу в тот, с которым связан был я не только весь свой век, с детства, с младенчества, с рождения, но даже и до рождения: ухожу в "Элизей минувшего", как бы в некий сон, блистающий подобием той яркой и разительно живой жизни, в которой застыли мертвецы с лазурными глазами в пустом дворце в подмосковных лесах*» [3, с. 215]. В поместье как бы существует иное пространство и иное время. Не случайно бунинский герой о проведенных там днях говорит как о времени в «*зачарованном мире бывшей княжеской усадьбы*», «*несказанно прекрасной*» [3, с. 230]. Она вся погружена в сон, не случайно на ее каменных воротах лежат «*два презрительно-дремотных льва и уже густо растет что-то дикое, настоящая трава забвения*» [3, с. 212]. Образ усадьбы получает здесь некоторые библейские коннотации. Она предстает возрождающейся, живущей, несмотря ни на что: «*Видишь ли, случилось, разумеется, чудо: некто, уже тлевший в смрадной могильной яме, не погиб, однако, до конца, подобно тысяче прочих, сваленных с ним в эту яму. Он, к великому своему изумлению, стал постепенно приходить в себя и, наконец, совсем пришел и даже получил возможность приподняться и опять выбраться на белый свет*» [3, с. 215].

Усадебный мир в творчестве Бунина часто предстает в неярких, приглушенных красках, его образ как бы соткан из полутонов. В своем дневнике он писал: «*Вся аллея засыпана краснеющей, сухой, сморщенной листвой, чем-то сладко пахнущей. Как нов вид на сквозной сад, сквозь который за долиной воздух чуть з<е>леноват, и заря наполняет весь сад розовым светом. Почти все голо, почти все клены на валу и аллея и т.д., лишь яблони <в> золотисто-бронзовой мелкой мертвой листве*» [6, с. 208].

В пастельных тонах, зыбком, неровном свете предстает и раннее утро в поместье в стихотворении «Бледнеет ночь… Туманов пелена…»: «*Еще усадьба спит... В саду еще темно, / Недвижим тополь матово-зеленый, / И воздух слышен мне в открытое окно, / Весенним ароматом напоенный... / Уж близок день, прошел короткий сон — / И, в доме тишины не нарушая, / Неслышно выхожу из двери на балкон / И тихо светлого восхода ожидаю...*» [8, с. 265].

Помещичий дом в «Антоновских яблоках» представлен не столько визуальными образами, сколько в описании запахов, полутонов, ощущений, возникающих у героя при визите туда: «*Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета, который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах – в лакейской, в зале, в гостиной – прохладно и сумрачно; это оттого, что дом окружен садом, а верхние стекла окон цветные: синие и лиловые. Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места*» [1, с. 413]. Бунин как бы сопрягает время. С одной стороны, гибель помещичьих усадеб соотносится с тем, что из них исчезает «*запах антоновских яблок*», понятие неуловимое, эфемерное, кратковременное. А с другой стороны, герою кажется, «*что с тех пор прошло чуть не целое столетие*» [1, с. 418]. Время как бы сжимается, концентрируется.

Подводя итоги, можно сказать, что усадебный мир в творчестве Бунина обладает своей, особой пространственно-временной характеристикой. Размытость точных границ усадьбы, слитность с природой, обращение каждый раз к циклическому времени и, как следствие, концентрация событий и деталей, данных через призму воспоминаний, позволяет говорить об особом «пограничье» усадьбы у Бунина. Очень емком образе, обращающем читателя к мыслям об ушедшей жизни, утраченной России.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Полн. собр. соч. в 13 томах. Т. 1. Стихотворения (1888–1911); Рассказы (1892–1901). – М.: Воскресенье, 2006. – 576 с.
2. Бунин И.А. Полн. собр. соч. в 13 тт. Т. 2. Стихотворения (1912–1952); Повести, рассказы (1902–1910). – М.: Воскресенье, 2006. – 592 с.
3. Бунин И.А. Полн. собр. соч. в 13 тт. Т. 4. Воды многие (1914–1926); Грамматика любви (1914–1926). – М.: Воскресенье, 2006.– 536 с.
4. Бунин И.А. Полн. собр. соч. в 13 томах. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931). – М.: Воскресенье, 2006.– 480 с.
5. Бунин И.А. Полн. собр. соч. в 13 тт. Т. 6. «Темные аллеи». Книга рассказов (1938-1953); Рассказы последних лет (1931–1952); «Окаянные дни» (1935). – М.: Воскресенье, 2006.– 488 с.
6. Бунин И.А. Полн. собр. соч. в13 тт. Т. 9. «Воспоминания»; «Дневник 1917-1918 гг.»; «Дневники 1881–1953 гг.», «Первые литературные шаги»; «Перед грозой». Интервью разных лет. – М.: Воскресенье, 2006.– 592 с.
7. Бунин И.А. Полн. собр. соч. в 13 тт. Т. 10. Портреты; Критика; Слово о Бунине.–М.: Воскресенье, 2006. – 584 с.
8. Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. – М. Художественная литература, 1965–1967. Т. 1. Стихотворения 1886–1917 гг.
9. Ильин И.А. Творчество И.А. Бунина // Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев.– Мюнхен, 1959.–196 с. – С. 29–80.
10. Лебедева Т.А. Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И. А. Бунина 1920-1953 гг.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Череповец, 2002.– 187 с.
11. Михайлов О.Н. И.А. Бунин // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: В 3 т. Т. 1. Кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2016.– С. 72–156.
12. Щукин В.Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. – М., 2007.– 606 с.

References in Roman script

1. Bunin I.A. Poln. sobr. soch. v 13 tomakh. T. 1. Stikhotvoreniya (1888–1911); Rasskazy (1892–1901). M.: Voskresen'e, 2006. 576 s.
2. Bunin I.A. Poln. sobr. soch. v 13 tt. T. 2. Stikhotvoreniya (1912-1952); Povesti, rasskazy (1902–1910). M.: Voskresen'e, 2006. 592 s.
3. Bunin I.A. Poln. sobr. soch. v 13 tt. T. 4. Vody mnogie (1914–1926); Grammatika lyubvi (1914–1926). M.: Voskresen'e, 2006. 536 s.
4. Bunin I.A. Poln. sobr. soch. v 13 tomakh. T. 5. Zhizn' Arsen'eva. Roman (1927–1929; 1933); Bozh'e drevo. Rasskazy (1927–1931). M.: Voskresen'e, 2006. 480 s.
5. Bunin I.A. Poln. sobr. soch. v 13 tt. T. 6. «Temnye allei». Kniga rasskazov (1938-1953); Rasskazy poslednikh let (1931–1952); «Okayannye dni» (1935). M.: Voskresen'e, 2006. 488 s.
6. Bunin I.A. Poln. sobr. soch. v13 tt. T. 9. «Vospominaniya»; «Dnevnik 1917-1918 gg.»; «Dnevniki 1881–1953 gg.», «Pervye literaturnye shagi»; «Pered grozoj». Interv'yu raznykh let. M.: Voskresen'e, 2006. 592 s.
7. Bunin I.A. Poln. sobr. soch. v 13 tt. T. 10. Portrety; Kritika; Slovo o Bunine. M.: Voskresen'e, 2006. 584 s.
8. Bunin I.A. Sobr. soch. v 9 tt. M. Khudozhestvennaya literatura, 1965–1967. T. 1. Stikhotvoreniya 1886–1917 gg.

9. Il'in I.A. Tvorchestvo I.A. Bunina // Il'in I.A. O t'me i prosvetlenii. Kniga khudozhestvennoj kritiki: Bunin. Remizov. SHmelev. Myunkhen, 1959. 196 s. S. 29–80.
10. Lebedeva T.A. Mir russkoj dvoryanskoj usad'by v tvorchestve I. A. Bunina 1920–1953 gg.: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. Cherepovets, 2002. 187 s.
11. Mikhajlov O.N. I.A. Bunin // Russkaya literatura 1920–1930-kh godov. Portrety prozaikov: V 3 t. T. 1. Kn. 1. M.: IMLI RAN, 2016. S. 72–156.
12. Shhukin V.G. Rossijskij genij prosveshheniya. Issledovaniya v oblasti mifopoehtiki i istorii idej. M., 2007. 606 s.

References

1. Bunin I.A. Collected works in 13 volumes. Vol. 1. Poems (1888–1911); Short stories (1892–1901). Moscow, Voskresen'e Publ., 2006. 576 p. (In Russian).
2. Bunin I.A. Collected works in 13 volumes. Vol. 2. Poems (1912–1952); Short novels, Short stories (1902–1910). Moscow, Voskresen'e Publ., 2006. 592 p. (In Russian).
3. Bunin I.A. Collected works in 13 volumes. Vol. 4. Waters Aplenty (1914–1926); The Grammar of Love (1914–1926). Moscow, Voskresen'e Publ., 2006. 536 p. (In Russian).
4. Bunin I.A. Collected works in 13 volumes. Vol. 5. The Life of Arseniev. Novel (1927–1929; 1933); God's Tree. Short stories (1927–1931). Moscow, Voskresen'e Publ., 2006. 480 p. (In Russian).
5. Bunin I.A. Collected works in 13 volumes. Vol. 6. «Dark Avenues». The collection of short stories (1938–1953); Stories from recent years (1931–1952); «"The Cursed Days"» (1935). Moscow, Voskresen'e Publ., 2006. 488 p. (In Russian).
6. Bunin I.A. Collected works in 13 volumes. Vol. 9. "Memories"; "The Diary, 1917–1918"; "Diaries of 1881–1953", "The First Steps in Literature"; "Before the Storm". Interviews of different years. Moscow, Voskresen'e Publ., 2006. 592 p. (In Russian).
7. Bunin I.A. Collected works in 13 volumes. Vol. 10. Portraits; Literary Criticism; A Word about Bunin. Moscow, Voskresen'e Publ., 2006. 584 p. (In Russian).
8. Bunin I.A. The Works in 9 Volumes. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1965–1967. Vol. 1. Poems 1886–1917 gg. (In Russian).
9. Ilyin I. The Works of Ivan Bunin // Ilyin I. On Darkness and Enlightenment, Book of Art Criticism: Bunin. Remizov. Shmelyov. Munich, 1959, pp. 29–80. (In Russian).
10. Lebedeva T.A. The World of the Russian Nobility's Estate in the Works of Ivan Bunin in 1920–1953: thesis ... PhD in Philology: 10.01.01. Cherepovets, 2002. 187 p. (In Russian).
11. Mikhajlov O.N. I.A. Bunin // Russian Literature of the 1920–1930s. Portraits of Writers, in 3 volumes. Vol. 1, Book 1. Moscow: IMLI RAN Publ., 2016, pp. 72–156. (In Russian).
12. Shchukin V.G. Russian Genius of Enlightenment. Research in the Field of Mythopoetics and History of Ideas. Moscow, 2007. 606 p. (In Russian).